

СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТЕРМИНАНТ ДИСКУРСА АУТОКОММУНИКАЦИИ И ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА

© 2021

И.А. Шаповал, доктор педагогических наук, профессор кафедры специальной психологии
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Ключевые слова: дискурс; аутокоммуникация; «значения-для-меня»; агенты дискурса; прототипное место; мотивы дискурса; цели дискурса; границы Я.

Аннотация: Представлены результаты междисциплинарного анализа детерминант системы дискурса аутокоммуникации и внутреннего диалога как форм объективации содержания сознания человека, ориентированных на определенные действия в интересах достижения неких целей. Дискурс раскрывается как интеграция коммуникативных и языковых процессов в самопонимании и самоопределении личности. Актуальные смыслы личности вербализуются в контекстуально связанном и динамичном дискурсе аутокоммуникации как способе обретения новых смыслов или подтверждения старых. Результаты исследования раскрывают специфику и связи детерминант дискурса внутреннего диалога в континууме объектности – субъектности человека. Детерминанты дискурса диктуют его контекст и правила и включают прототипное место и агентов с их мотивами и целями. Базовую пару агентов представляют Я-позиции, выраженные в бинарных автопредикациях Я и Не-Я (Другой). Модальность отношения человека к своим Я-позициям делает их коммуникации диалогом или монологом на границе их субтерриторий как прототипном месте дискурса. Степень субъектности дискурса, его замкнутости в прототипном месте или открытости трансгрессии зависит от сложности и дифференцированности Я-концепции и функциональности границ Я. Мотивы и цели аутокоммуникации определяются фрустрацией метапотребности сохранения самоуважения и самопринятия путем переоценки и перестройки взаимоотношений Я-позиций. Общая цель самоорганизации Я реализуется во внутреннем диалоге в формах конституирования, верификации и интеграции его автопредикаций. Статусно-ролевые характеристики агентов и функциональность прототипного места дискурса определяют специфику его мотивов и целей согласно системным эффектам самоорганизации Я.

ВВЕДЕНИЕ

Ключевыми понятиями, раскрывающими в своем взаимодействии проблематику нашей работы, являются аутокоммуникация, внутренний диалог и его дискурс. Двум первым темам релевантны позиции психологии: феноменологии личности, экзистенциального анализа, гештальтпсихологии и дискурсивной психологии. Многообразие трактовок сущности дискурса распределяется между лингвистическим, философским и психологическим знанием.

Аутокоммуникацию – внутриличностную, интра-субъектную, интрапсихическую коммуникацию – можно назвать частным случаем межличностного общения человека с самим собой. Интегральной целью и функцией такого общения, осознанного или неосознанного, являются постижение и достижение осмысленности человеком своего Я, происходящих с ним событий и жизни в целом [1; 2]. Общения с другими людьми для этого недостаточно, и эту принципиальную несамодостаточность человека как почву его нужды в диалоге с Другим впервые конституировал М.М. Бахтин: «Два голоса – это *minimum* жизни, *minimum* бытия» [3, с. 74]. И если, следуя мысли Бахтина, диалогическое общение первично, то диалогичным оказывается строение нашего сознания и самосознания. Согласно двухфакторной модели сознания, в пространстве внутренней свободы которого коммуницируют диады «Я – Другой (Другие)», «Я – Ты», «Я – Он (Они)», «Я-первое – Я-второе», А.Г. Акопов выделяет четыре уровня их коммуникации [4]. На уровне контакта его источником выступает интенция человека внутренне представить события своей жизни в формах знаний, переживаний, мысленных действий. Наличие контакта определяет

готовность его субъектов к обмену «сообщениями» в рамках информационной аутокоммуникации. Прототипом метакоммуникации Я и Не-Я выступает формула: «Вот каким я тебя и себя вижу». Уровень смыслов отражает условия и процессы реализации интенций контакта.

Диалогичность как важная характеристика сознания раскрывается в концепциях В.С. Библера, Ю.М. Лотмана, М. Бубера, Л.С. Выготского, А.В. Брушлинского, В.В. Знакова, А.Б. Орлова, В.В. Столина и других ученых. Общими для диалога (межличностного и внутриличностного) характеристиками можно назвать наличие в них реальных или воображаемых субъектов обратной связи, возможность появления в них нового содержания и, наконец, принципиальную незавершенность трансформаций взглядов и точек зрения субъектов диалога. Во внутреннем диалоге как одной из форм аутокоммуникации роли ее участников в системе «Я – Я» принадлежат одному лицу, а передача сообщения, замечает Ю.М. Лотман, качественно трансформирует и перестраивает само Я [2].

Х. Херманс в концепции диалогического Я (“*dialogical self*”) представляет внутренний диалог как особое взаимодействие между Я-позициями. Каждая из них является в диалоге полноправным субъектом, и в зависимости от характера коалиций этих субъектов их взаимодействие может быть симметричным и структурированным, асимметричным или вообще отсутствовать [5]. Взаимность Я-позиций в слушании точек зрения друг друга, в предоставлении друг другу пространства для выражения опыта и мнения, в интересе к обнаружению возможного недопонимания и в желании его скорректировать, в готовности учиться друг у друга на основе взаимообмена можно квалифицировать как «идеальный диалог».

Исходя из факта «объективно-субъективного» присутствия внутреннего диалога в сферах психической жизни человека [15], он связан с такими феноменами, как внутренняя речь, интроекция, интериоризация, рефлексия, и в то же время относительно автономен от них. В целом внутренний диалог дефинируется: а) в контексте феноменов сознания, самосознания, мышления и речи [5; 6]; б) в качестве неотъемлемой составляющей и механизма поиска и определения субъектом себя и своей жизненной позиции [7–9]; в) в качестве возникновения и развития измененных состояний сознания [9–13]; г) в качестве психотерапевтического приема [9; 10; 13; 14] и т. д.

Ключевые признаки диалога определяют его интерпретации [4–7; 15]:

- как информационный феномен, он основан на обмене собеседников взаимодействиями;

- как репрезентированный в разговоре когнитивный процесс, диалог характеризуется степенью выраженности смысловых позиций;

- как движение в сторону сотрудничества, открытое общение, он характеризуется предъявлением действительных мотивов, взаимоуважением, соблюдением коммуникативных прав, безоценочным принятием;

- как целеполагание консенсуса, он характеризуется наличием общих диалогических интенций, «иммунитета» от внешних принуждений или санкций, использованием нестратегических форм коммуникаций (стремление к балансу интересов и симметричному распределению шансов в высказываниях) и отказом от стратегических/паразитических форм.

Е.Б. Старовойтенко рассматривает внутренний диалог как путь, на котором встречаются две полярных тенденции Я: к самосохранению и к разотождествлению с собой и самоотожествлению на новых уровнях [7]. При условии многомерного рефлексивного раскрытия отношений позиций «Я-сам» и «внутреннего Другого» – проблематизации, гармонизации и синтеза Я-репрезентаций – диалог может обогащать и усиливать самоотждество Я.

Отсутствие связи внутренней диалоговой активности с экзистенциальной исполненностью констатирует Е.В. Шаймарданова, в то же время низкий уровень исполненности коррелирует с конфликтным характером общения человека с самим собой [8]. По мнению А.В. Визгиной [6], степень развернутости позиций субъектов внутреннего диалога, их взаимодействий и кооперации между ними, динамики и результативности – главные различия между его конфликтной и конструктивной формами. Трансформировать конфликт в конструктив можно путем вывода внутреннего диалога во внешнюю форму, интериоризация которой позволит человеку формировать новые позиции. С этой точки зрения внутренний диалог можно считать ментальным ресурсом человека в повседневной жизни и инструментом совладания с проблемами.

Современные подходы к осмыслению дискурса развивались в русле исторической смены научных парадигм благодаря «лингвистическому повороту» философии и социогуманитарных наук и «дискурсивному перевороту» психологии на фоне кризиса традиционных когнитивной и социальной парадигм.

В классической философии дискурс понимался двояко: а) как последовательный переход в мышлении

от одного дискретного понятия и суждения к другому (в противовес, например, инсайту); б) как рационально-логическая процедура «скромного чтения» (термин М. Фуко) – следования объекту и декодирования по мере возможностей и репрезентации его смысла и логики.

Неклассическая философия XX века (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер и др.) провозглашает самоценной константой дискурса процессуальность в нем рефлексивных и вербализованных коммуникативных актов в формах языково-речевых конструкций (речи или текста).

В философии постмодернизма (Л. Альтюссер, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан и др.) и французском дискурсивном анализе (М. Фуко, М. Пешё и др.), близком к «критической психологии», дискурс выполняет функции [16]: 1) описания правил, разделов, систем, средств и т. п.; 2) институционально закрепленного разделения определенного корпуса знания (психологический, экономический и другие дискурсы); 3) обозначения социальных практик, формирующих объекты, концепты и стратегии. При этом участники дискурса, занимающие позиции (не тождественные социальным ролям) внутри поля множества действующих сил, являются продуктом исторически формирующихся сил социальной регуляции. И так же исторически выработанные правила и условия продуцирования высказываний играют большую роль в процедурах упорядочивания дискурса, чем формальная структура вербальной коммуникации. Отсюда преимущественная цель анализа дискурса, по М. Фуко, – раскрывать отношения между «правилами» и организованными в соответствии с ними «высказываниями».

«Лингвистический поворот» – рождение и развитие лингвоцентрированных идей в середине XX века – начинается с признания того, что понимание мира и сознания возможно лишь посредством анализа языка [17]. Всплеск внимания к контекстам и предпосылкам высказываний, многозначности языка и его политическим и социальным функциям определил и интерес психологии к идеям лингвистики, теории дискурса, философии языка, и ассимиляцию этих идей.

Лингвистические подходы к анализу дискурса, сложившиеся к настоящему времени, расставляют свои акценты. Так, коммуникативная лингвистика рассматривает дискурс как актуализацию текстов, которые в «живом» общении отклоняются от формальных языковых конструкций по степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности для других. Социолингвистика на первый план выводит социокультурный контекст условий общения и характеристики его участников как представителей социальных групп.

В нашем исследовании дискурса мы опираемся на идеи и положения прагмалингвистики и когнитивной семантики [18; 19]. Прагмалингвистические аспекты раскрываются в диалогических взаимодействиях агентов дискурса, их мотивов и целей в обмене информацией и взаимном воздействии в определенном прототипном месте дискурса путем использования коммуникативных стратегий и тактик (Ч.С. Пирс и Ч.У. Моррис; И.П. Сузов, Г.Г. Матвеева, Н.И. Формановская и др.). Когнитивная семантика фокусируется на реализации участниками общения фреймовых моделей (сценариев, схем,

скриптов) социокультурной информации, или способов представления стереотипной ситуации (М. Минский, Г. Бейтсон, Е.С. Кубрякова и др.). Темы фреймов определяют типы дискурса как особые, тематические взаимодействия участников коммуникации.

Результатом «дискурсивного переворота» как следствия, в свою очередь, кризиса когнитивной и социальной парадигм традиционной психологии и «второй когнитивной революции» стало рождение дискурсивной психологии, интегрирующей философские основания феноменологии, социального конструкционизма, символического интеракционизма, постструктурализма, социологии, лингвистики, исследований коммуникации, теорий социальной критики [20]. В этом контексте дискурс – социальная деятельность человека в условиях реалий мира и атрибутов коммуникации, отражающая своеобразие его социокультурной и геополитической принадлежности в его языковых средствах. Образы Я и Других, убеждения, эмоции, установки – все эти личностные конструкты выстраиваются, конституируются и постоянно воспроизводятся в процессах дискурса. Учитывая конституирующую роль дискурса в объяснении социальной реальности и порождаемых ею опыта и смыслов, большое значение для анализа дискурса приобретают его когнитивный (ментальные феномены, репрезентированные в тексте) и этический (дискурс как условие социального действия) аспекты [21; 22].

Общим для сложившихся психологических подходов к пониманию дискурса стало признание его двойной сущности: он одновременно и конституируется из лингвистических элементов (слов, категорий, идиом, репертуаров и т. п.), и с их помощью конституирует в процессе разговора некую версию реальности. Согласно дискурс-анализу Дж. Поттера [23; 24], наш дискурс отражает наши интерпретативные репертуары, включая: а) культурно-дискурсивные ресурсы (как средства осмысливания социальной реальности, форматирования опыта, построения идентичности и т. п.) и б) специфический набор понятий, формирующийся на базе отдельных фигур речи (с их помощью социальная реальность описывается и оценивается). По мнению Р. Харре [25], косвенно создавая реальность, дискурс следует принципам интенциональности (ориентации на действия и социальные практики) и ситуативности (производности от коммуникативных, риторических и институциональных ситуаций).

Conversation analysis / анализ разговора (Х. Сакс; Г. Джефферсон и Э. Шеглофф; С. Уилкинсон и С. Китцингер) интерпретирует дискурс как структурированное действие, порождающее и устанавливающее интерсубъективность человека [26]. Отсюда в фокусе анализа оказываются: а) речевые действия – что люди делают посредством своей речи: жалуются, говорят комплимент, дают профессиональный совет; б) очередность речевых ходов, организация последовательности высказываний, выбор слов и т. п.; в) как именно в процессе разговора устанавливается интерсубъективность.

Итак, обзор литературы по теме дискурса аутокоммуникации и внутреннего диалога показывает сложность данного культурного феномена и отсутствие научного осмысления его психологических детерминант – необходимых отправных точек общения человека с самим собой.

Цель исследования – анализ сущности и характеристик психологических детерминант: кто именно (пары агентов), где (прототипное место), зачем (мотивы) и с какими целями начинает наши внутренние диалоги.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основывается на категориальном анализе и синтезе интерпретаций культурных феноменов дискурса, аутокоммуникации и внутреннего диалога в современных философских, психологических и лингвистических теориях и согласованных с ними методах и практиках: в феноменологии личности, экзистенциальном анализе, гештальтпсихологии, дискурс-анализе, анализе разговора, когнитивной семантике, прагмалингвистике и сближающей их дискурсивной психологии. Междисциплинарный подход и последовательное применение аксиоматического метода и методов апперцепирования и моделирования выступили исследовательским алгоритмом разработки и обоснования авторского концепта понимания и объяснения психологических детерминант дискурса диалога в аутокоммуникации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ и синтез концептов дискурс-анализа, когнитивной семантики, прагмалингвистики, феноменологии личности, дискурсивной психологии позволяет выделить в дискурсе аутокоммуникации и внутреннего диалога две сущностные стороны. Во-первых, дискурс выступает пространством и механизмом конструирования, понимания и «проигрывания» человеком в его взаимодействиях с самим собой всех его «ментальных сущностей» и «чувства Я», включая личный опыт, переживания и т. д. Во-вторых, являясь инструментом внутренних интеракций, дискурс отражает контекстуально связанное употребление сложного единства динамичных языковых конструктов.

Релевантными сущности дискурса аутокоммуникации являются следующие его характеристики:

- ориентированность на совершение действия, направленного на достижение неких целей (обвинение, объяснение, приглашение и т. д.), и отсюда – имманентная и неразрывная связь речи и действия;

- поле самореализации человека в качестве субъекта дискурса и гибкого дискурсивного конструкта: а) создающего для себя мир, выглядящий реальным или истинным; б) преломляющего социальные контексты реальности через свое Я, ментальность, идеологию и в) трансформирующего идентичность,

- объективация в сознании человека его систем ценностей, значимостей, смыслов путем их вербализации и обеспечение самопонимания и обретения новых смыслов.

Важность выявления сущности и характеристик психологических детерминант дискурса определяется их ролью пролога и предиспозиций контекста и фреймов дискурса, жанрового, стратегического и тактического согласования в нем возможных последовательностей высказываний. В роли таких релевантных дискурсу внутреннего диалога детерминант, согласно прагмалингвистическому подходу, выступают прототипное место и базовая пара агентов с их статусно-ролевыми

характеристиками, мотивами и целями, объединяемые в континууме объектности – субъектности человека в дискурсе системными эффектами самоорганизации Я.

Агентами дискурса внутреннего диалога выступают Я-позиции (реальные или виртуальные, бессознательные «говоримые существа» или сознательные), выражаемые в бинарных автопредикациях Я и Не-Я. Модальность отношения человека к своим Я и Не-Я определяет характер их коммуникации: субъект-субъектный диалог или субъект-объектные монолог и аутоманипуляции и, соответственно, разные дискурсы.

Прототипным местом дискурса определяются границы субтерриторий Я и Не-Я, обнаруживших потребность в их демаркации или переопределении в пространстве Я и различия в этом отношении своих интенций, позиций и целей. В зависимости от когнитивной сложности и дифференцированности Я-концепции и от функциональности границ Я (конструктивной, дефицитарной, деструктивной) дискурс будет субъектным или объектным, замкнутым в пространстве личности (субпространстве) или открытым трансгрессии.

Универсальные мотивы начала и развития аутокоммуникации исходят из метапотребностей сохранения самопринятия и самоуважения Я, фрустрация которых требует переоценки и перестройки прежних взаимоотношений с собой и поиска новых смыслов (самоизменения) или защиты старых (консервации Я).

Общей целью внутреннего диалога агентов дискурса можно считать самоорганизацию Я в формах конституирования, верификации и интеграции их автопредикаций. Частными целями могут быть самоконтроль и самокоррекция, защита Я от посягательств извне и изнутри, эксплуатация Я или Других Я, аутопсихотерапия, преодоление границ и т. д.

Логика связи между дискурсом, аутокоммуникацией, внутренним диалогом и психологическими детерминантами дискурса, определяющими его контекст и правила (статусно-ролевые характеристики базовой пары агентов дискурса, его мотивы, цели и прототипное место), представлена на рис. 1.

Ситуативное «рабочее Я» как актуальная рефлексивно осознанная самоидентичность выстраивает конструкт из бинарных автопредикаций «Я (независимое и самодетерминируемое) – Не-Я («я не есть то», персонализирующее неприемлемые супер-эго стороны личности, инфантильное и неустойчивое)», ставит и воплощает цели, включает Другие Я в свои интересы, сохраняя дистанцию с Не-Я [29]. Выше уже говорилось, что формула: «Вот каким я тебя и себя вижу» – действует на уровне метакоммуникации Я и Не-Я, при этом реакция на нее определяет характер интеракций. Так согласие Я/Не-Я с предложенной формулой отразит минимизирующие различия и отзеркаливающие друг друга интеракции, гарантирующие стабильность и мир; принятие формулы – максимизирующие различия и конфликтные интеракции (часто конструктивные для Я).

Множественность и неоднозначность Я – необходимое условие становления личности, однако внутренняя расщепленность и, как следствие, противоречивость Я несут в себе риски редукции и искажения аутодискурса (А. Лэнгле, Э. Берн, С. Карпман, А.Б. Орлов и др.). Так, в дискурсе клиента консультативного триалога его разные внутренние субъекты говорят на разных языках

(наблюдатель – на знаковом языке поведения, клиент – на сигнальном языке тела, «сам себе терапевт» – на символическом языке состояний), используют разные регистры и тональности дискурса, имеют разные интенции диалога и отношение к поиску общего языка [13]. Аналогично базовые пары агентов дискурса и собственные дискурсы образуют «рабочие» внутренние Я:

– Подсудимого, Судьи, Обвиняемого или Адвоката, Прокурора, Свидетеля (консультативный триалог А.Б. Орлова);

– Ребенка, Родителя, Взрослого (эго-состояния у Э. Берна);

– Жертвы, Преследователя, Спасателя (треугольник С. Карпмана) и т. д.

Соответственно характерам могут складываться коалиции Я и Другого Я [5]: властного и аморфного, эмоционально голодного и тайно желаемого и любящего, перфекциониста и мечтателя. Дезадаптивность этих коалиций является, как правило, следствием ригидности и стереотипности паттернов диалога, неосмысливаемых или неосознаваемых латентных противоречий, диссоциации или активного избегания проблемного опыта. Адаптивность коалиции, в свою очередь, может обеспечиваться, например: а) опытом принятия реальности и конструированием на его основе позиции «Я принимающий»; б) появлением метапозиции или третьей позиции (абстрагирования от простого переживания); в) появлением аутентичного голоса Я – поддерживающего, предлагающего, не давящего способом обращения и т. д. Выход к новым смыслам делают возможным переживание ясности, очевидности, соответствия позиций и интеграция опыта.

Важнейший вопрос самой возможности аутокоммуникации и ее качества – модальность отношения Я к своим Не-Я как к равно независимым, имеющим свое значение, желания и нарративы. При условии взаимного уважения агентов дискурса их отношения в диалоге будут субъект-субъектными; если один из них антипатичен другому, девальвируется им и бессознательно отвергается – субъект-объектными. В случаях присвоения позиции власти одним из Я (или Не-Я) другие Я или Не-Я отчуждаются, их право свободно выражать свои интересы игнорируется, а внутренний диалог переходит в монолог и аутоманипуляции.

Динамика позиций и характера связей Я и Не-Я (уважение – неуважение, симпатия – антипатия, близость – отдаленность, интегрированность – конфликтность) зависит от когнитивной сложности и дифференцированности Я-концепции, слабости ее структуры и границ, от силы защитных механизмов. Эти же качества Я-концепции определяют характеристики потенциального пространства для аутокоммуникации.

Прототипное место внутреннего диалога

Прототипным местом внутреннего диалога, позволяющем агентам дискурса включаться в со-бытие, со-мышление, со-понимание, оставаясь вполне автономными, оказываются границы Я: «пограничье» соединяет и разделяет частные территории общего пространства личности. Так, например, соотносятся территории изживания-действия, переживания-чувства, проживания-бытия [13]: я изживаю не там, где я переживаю, и я переживаю не там, где я живу.

Рис. 1. Организация дискурса внутреннего диалога в аутокоммуникации

По мнению Х. Херманса, сам внутренний диалог – это способ организации пространства Я [17], в котором множественные Я и Не-Я весьма мобильны: они мигрируют от периферии к центру этого пространства и обратно и, встречаясь на границах своих субтерриторий, завязывают и разрушают отношения «к», «с» и «между». Процессуально эти отношения возникают и реализуются в диалогах на тему опознания нового и его отличий от старого, их приемлемости/неприемлемости и принятия/отвержения. Характер и самих диалогов, и отношений Я и Не-Я как исходных субъектов диалогов равным образом зависит от функциональности границ Я, определяющей условия прототипного места аутокоммуникации [12; 29]:

- если качества и оценки образов Я и Не-Я «сцеплены», а подсистемы Я склеены, то связи и отношения с Не-Я нестабильны, диалог разворачивается по типу «качелей», а дискурс имеет разрывы;

- если диалог угрожает разрушением границ Я и самого Я, то дискурс исключается, редуцируется или монолоизируется;

- если репрезентации Я и Не-Я размыты, то в дискурсе они психологически фракционируют или вступают в отношения «прилипания», в которых Не-Я выступает «мучающим другим».

Функции Я-отграничений обеспечивают саму жизнь Я, констатирует Г. Аммон [11]: внешние границы дают человеку возможность заглянуть в себя, внутренние – свободную от конфликтов аутокоммуникацию Я с Другими Я и Не-Я. При конструктивном разделении и связывании границами сознающего Я и «говоримого существа» бессознательное может сообщать о себе, не нарушая актуальных взаимодействий человека с реальностью. В этом случае дискурс оптимален: сознание допускает в себя и различает как реальные и нереальные объекты внешнего мира и представления, фантазии и мечты о них, состояния сознания и телесные ощущения, мысли и чувства, отношения и действия, прошлое, настоящее и будущее. В условиях функционально дефицитарного Я-отграничения продукты сознания и бессознательного смешиваются, и, как правило, побеждают чувства, фантазии, воспоминания. При деструктивном Я-отграничении дискурс заключен в ригидные «барьеры»: субпространства Я фрагментированы и обособлены, и потому диалог между ними сводится к монологу.

Замкнут ли дискурс однозначно в границах личного пространства или его субпространств? С одной стороны, как говорилось выше, Я находится во «власти дискурса»: типичные для данного социума вербальные игровые практики и дискурсивные процедуры делают субъекта дискурса его носителем, репрезентирующим модель «как все» – типичные для данной социокультурной среды имиджи, смыслы, ценности. С другой стороны, человек всегда имеет возможность спонтанно и непредвиденно трансгрессировать за рамки предсказуемого и не заданного извне смысла. Как результат, возникают презумпции дискурса [16]: его креативный потенциал, тенденции ветвления смысла, имманентная неподчинимость принудительной внешней каузальности.

Можно полагать, что полярные возможности человека – трансгрессии и становления дискурсивной субъектности или рождения страха перед аутокоммуникацией, бесконтрольной, непредсказуемой и, следовательно, угрожающей – связаны прежде всего со способностью человека к самодистанцированию [30]. Для реализации этой способности – и свободы дискурса нужно обладать, в свою очередь, достаточным свободным пространством Я, позволяющим дистанцироваться от привычного Я и не «запутываться» в своих аффектах, предубеждениях, желаниях и ригидности.

Подчеркнем: пространство личности – это в первую очередь пространство субъективных, пристрастных значимостей человека. Включенные в него фрагменты территорий, привычек, установок и т. д. отобраны из обыденного опыта, отождествляются с «Я + Моё» и становятся для человека желаемым и должным в отношении к миру, к себе и к другим. Эти персонализированные ценностно-потребностные «значения-для-меня» служат основаниями дискурса аутокоммуникации и выступают мотивами его рождения, начала и развития.

Мотивы дискурса аутокоммуникации

В начале жизни Моё человека имеет характер «своего-чужого» и находит себе имя вовне: там мы как бы «узнаём» свои переживания и их посредством – самих себя [2]. Накопление жизненного опыта, развитие рефлексии и осознание своей уникальности рождает необходимость обозначать феномены Я и конструировать аутентичную Я-концепцию в собственном пространстве значимостей.

Актуальная потребность может стать мотивом аутокоммуникации при условии ее значимости здесь-и-сейчас. Метапотребностями, универсально витальными, называют потребности в безопасности, привязанности и достижении. Но столь же витальными становятся и фрустрированные «по-настоящему» важные для человека потребности: в автономии, агрессии и защите, оппозиции и неприкосновенности, доминировании и заботе, чувственности, порядке и понимании и т. д. Из отрицательных смысловых переживаний фрустрированности человека легко рождаются ценности отталкивания.

Источниками неудовлетворенности могут стать и осознание значительного разрыва между Я реальным и идеальным, и повышенная потребность в самоактуализации, и приверженность иррациональным и в какой-то мере навязчивым ценностям. Фрустрация потребности переводит Я в пограничное состояние, которое требует выхода – поиска новых смыслов для сохранения самопринятия и самоуважения путем самоизменения или консервации Я. Этот поиск становится и мотивом, и предметом аутокоммуникации.

Замечено, что «значения-для-меня» часто могут не осознаваться, но даже осознание их причинной связи с некими событиями не избавляет человека от обусловленных ими переживаний. Более того, и неприглядные, противоречащие этическим нормам личности потребности не изменяются от самого факта их осознания. Таким образом, иерархия «значений-для-меня» индивидуальна и динамична. Трансформации Я в ходе его жизни (вне клинических случаев) сопровождаются переоценкой и перестройкой его прежних взаимоотношений с собой, ценностей, диспозиций и появление новых мотивационно-потребностных оснований дискурса и, соответственно, его целей.

Цели аутокоммуникации

Цели аутокоммуникации многообразны. Самой примитивной целью является уход от молчания, эволюционно воспринимаемого как знак опасности. В основе более сложных целей – ведущие диспозиции человека к самоорганизации Я: самоизменению или сохранению актуального Я-образа. Важно, что обе тенденции имеют целью поддержать Я, но выражают разные части самосознания. Будучи явными или скрытыми, эти установки преддетерминируют аутокоммуникацию, ориентируют ее на потребное будущее состояние Я и выступают, таким образом, аттрактором процесса его самоорганизации. В контексте мотивов конституирования, верификации и интеграции Я-репрезентаций в самоисповеди или нарративе цели дискурса варьируются в зависимости от predispositions человека.

– Цели самокоррекции, самоконтроля, самоограничения, самоубеждения коррелируют с орудийным самоотношением и «заблуждающейся» самопрезентацией, с потребностью в самоутверждении или с компенсацией чувства неполноценности. Все это как цель аутокоммуникации выводит ее за пределы интенций взаимообмена, защиты и выживания.

– Цель консервации Я может коррелировать с нарциссическими тенденциями личности или отказом от суверенитета. Содержание дискурса заключается в предотвращении доступа к Я, его инфантилизации или инвалидации, в подавлении Я внешними требованиями.

– Цели эксплуатации Я, Не-Я или Других Я исключительно как помогающих или препятствующих осуществлению целей делают темой дискурса «войну с самим собой». Поляризация Я и Не-Я и дезидентификация с «лишним» из них, его дискредитация и поглощение его территории проводятся с помощью рациональных, «логических» аргументов, самонаказания, самоуничтожения, самокоррекции.

– Цель самовыговаривания и соответствующая ей ментальная потребность типична для лиц: а) социально или ментально изолированных: им приходится общаться с собой ради осознания самих себя, и содержание такого дискурса составляют самоанализ, самопознание, самооценка; б) для рефлексивной личности все это – часть ее бытия.

– Цели аутопсихотерапии в дискурсе часто связаны с поддержанием высокой самооценки. При отсутствии честности по отношению к себе результатом может быть создание «ложного» Я, в котором Я и Не-Я субъективно выгодно сверхидеализированы или Не-Я дискредитировано, а недостатки Я получили статус добродетели.

– Наконец, цели определения пределов личных возможностей или ответственности за преодоление границ заданного обычно связаны с «мотивом границы» (В.А. Петровский) или стремлением к автономии (в том числе внутренней).

Итак, дискурс как контекстуально связанное и динамичное употребление человеком языка в процессах внутренних интеракций объективирует содержание сознания и внутренне ориентирован на совершение некоего действия в интересах достижения неких целей.

Психологические детерминанты внутреннего диалога, рассмотренные выше, связаны между собой системно-функциональными отношениями: связь статусно-ролевых характеристик агентов дискурса с его прототипным местом определяют условия рождения и реализации целей и мотивов агентов дискурса (рис. 1).

Взаимосвязь функциональности прототипного места аутокоммуникации с динамикой позиций и связей Я и Не-Я определяется их способностью самодистанцироваться, зависящей от когнитивной сложности и дифференцированности пространства Я и конструктивности его внешних и внутренних границ.

Мотивы и цели внутреннего диалога персонализированы, вариативны в зависимости от прототипного места и характеристик агентов дискурса, динамичны и взаимодействуют в коммуникативно-языковых процессах (их жанрах, стратегиях, тактиках, приемах) для вербализации ценностей и значимостей личности, их подтверждения или обретения новых смыслов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе предложенной схемы организации дискурса внутреннего диалога в аутокоммуникации могут быть разработаны частные, дополняющие друг друга практики анализа и самоанализа множественного Я, психологических детерминант происходящих в нем внутренних диалогов и коммуникативно-языковых процессов их дискурса.

Применение этих практик позволит расширить диапазон возможностей субъектов психологического

консультирования в самопознании, в осознании своих позиций, мотивов и целей.

В психологическом образовании понимание диспозиций и процессов аутокоммуникации будет способствовать формированию у обучающихся профессионально-языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Измагурова В.Л. Феномен аутокоммуникации как фактор развития сознания // *Коммуникология*. 2015. Т. 3. № 4. С. 31–42.
- Лотман Ю.М. Аутокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159–165.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
- Акопов А.Г., Белоус А.В. Внутренний диалог с позиций двухфакторной модели сознания // *Психология диалога и мир человека: памяти Г.В. Дьяконова: сборник научных трудов*. Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 22–25.
- Hermans H.J.M. Dialogical Self in a Complex World: The Need for Bridging Theories // *Europe's Journal of Psychology*. 2015. Vol. 11. № 1. P. 1–4.
- Визгина А.В. Внутренний диалог как ментальный ресурс // *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен*. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 888–897.
- Старовойтенко Е.Б. Самоощущение Я во внутреннем диалоге // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 16. № 3. С. 434–453.
- Шаймарданова Е.В. Внутренний диалог в связи с экзистенциальной исполненностью: как мы разговариваем с собой и что это значит для нашей жизни // *Вестник Омского университета*. Серия: Психология. 2019. № 2. С. 49–57.
- Пестов М. Я – не-Я или исследование неполноты идентичности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 116 с.
- Малейчук Г.И. Парадоксы симптома. Системно-аналитический подход в работе с психосоматическим симптомом. М.: Академический проект, 2019. 245 с.
- Ammon G. *Handbuch der Dynamischen Psychiatric*. Bd. 2. Munchen: Er. Reinhardt Verlag, 1982. 967 p.
- Шаповал И.А. Дефицитарность границ Я как фактор нарушений ментализации и внутреннего диалога при самоотчуждении // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. 2019. № 3. С. 54–60. DOI: [10.18323/2221-5662-2019-3-54-60](https://doi.org/10.18323/2221-5662-2019-3-54-60).
- Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002. 272 с.
- Гребенюк Е.Г. Диалогическое Я и психотерапия // *Консультативная психология и психотерапия*. 2017. Т. 25. № 2. С. 144–158. DOI: [10.17759/cpp.2017250209](https://doi.org/10.17759/cpp.2017250209).
- Красильников Г.Т., Селезнев С.Б., Косенко В.Г., Косенко Н.А. О значении «внутреннего диалога» для психологической теории и психотерапевтической практики (аналитический обзор литературы) // *Медицинская психология в России*. 2018. Т. 10. № 3. С. 2–21.
- Фуко М. Порядок дискурса // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 47–96.
- Бусыгина Н.П. Современные подходы к анализу дискурса, разговора и повествования и их значение для исследований в области психотерапии // *Психология в ВУЗе*. 2014. № 4. С. 43–73.
- Багдасарян Т.М. Прагмалингвистика (речевое поведение) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 3-3. С. 50–53.
- Радзиховская В.К. Прагмалингвистика поля взаимности // *Филология и человек*. 2017. № 2. С. 26–38.
- Переверзев Е.В. Дискурсивная психология // *Современный дискурс-анализ*. 2009. Т. 1. № 1. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st3.shtml>.
- Рябова А.Л. Язык и дискурс: методы обучения ведению дискурса современности // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2020. Т. 9. № 3. С. 59–63. DOI: [10.12737/2587-9103-2020-59-63](https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-59-63).
- Олешкова А.М. Когнитивные и этические основания дискурса и дискурс-анализа // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 8. С. 23–25. DOI: [10.24158/spp.2020.8.3](https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.3).
- Potter J. *Discourse analysis and discursive psychology // Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design*. Washington: American Psychological Association, 2003. P. 73–94.
- Wiggins S., Potter J.W. *Discursive psychology // Handbook of Qualitative Research in Psychology*. London: Sage Publications, 2008. P. 73–90.
- Harré H.R., Stearns P., ed. *Discursive psychology*. London: Sage, 1995. 240 p.
- Wilkinson S., Kitzinger C. *Conversation analysis // Handbook of Qualitative Research in Psychology*. London: Sage Publications, 2008. P. 54–72.
- Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 225–291.
- Markus H., Nurius P. Possible selves: The interface between motivation and the self-concept // *Self and identity: Psychosocial perspectives*. Oxford: Wiley & Sons, 1987. P. 157–172.
- Шаповал И.А. Функции границ Я во внутреннем диалоге клиента психологического консультирования // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. 2018. № 2. С. 83–89. DOI: [10.18323/2221-5662-2018-2-83-89](https://doi.org/10.18323/2221-5662-2018-2-83-89).
- Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenz skala) А. Лэнгле и К. Орглер // *Экзистенциальный анализ*. Бюллетень. 2009. № 1. С. 141–170. URL: <http://laengle.info/downloads/ESK%20Krivtsova-%20L%e4ngle%20Bull%2009.pdf>.

REFERENCES

- Izmagurova V.L. Phenomenon of autocommunication as a factor of development of consciousness. *Kommunikologiya*, 2015, vol. 3, no. 4, pp. 31–42.

2. Lotman Yu.M. Autocommunication: "I" and "Other" as addressees (About two models of communication in the cultural system). *Semiosfera*. Sankt Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2000, pp. 159–165.
3. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p.
4. Akopov A.G., Belous A.V. Internal dialogue from the perspective of a two-factor model of consciousness. *Psikhologiya dialoga i mir cheloveka: pamyati G.V. Dyakonova: sbornik nauchnykh trudov*. Ufa, Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2019, pp. 22–25.
5. Hermans H.J.M. Dialogical Self in a Complex World: The Need for Bridging Theories. *Europe's Journal of Psychology*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 1–4.
6. Vizgina A.V. The inner dialogue as a mental resource. *Sposobnosti i mentalnye resursy cheloveka v mire globalnykh peremen*. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2020, pp. 888–897.
7. Starovoytenko E.B. Self-identity of the i in internal dialog. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 434–453.
8. Shaymardanova E.V. Internal dialogue due to existential fulfillment: how we talk to ourselves and what it means for our lives. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2019, no. 2, pp. 49–57.
9. Pestov M. *Ya – ne-Ya ili issledovanie nepolnoty identichnosti* [I-am-not-I or the Study of incompleteness of identity]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2016. 116 p.
10. Maleychuk G.I. *Paradoksy simptoma. Sistemno-analiticheskii podkhod v rabote s psikhosomaticheskimi simptomami* [Paradoxes of the symptom. System-analytical approach to work with psychosomatic symptoms]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 245 p.
11. Ammon G. *Handbuch der Dynamischen Psychiatric*. Munchen, Er. Reinhardt Verlag Publ., 1982. Bd. 2, 967 p.
12. Shapoval I.A. Deficiency of ego boundaries as a factor of violations of mentalization and inner discourse in the case of self-alienation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2019, no. 3, pp. 54–60. DOI: [10.18323/2221-5662-2019-3-54-60](https://doi.org/10.18323/2221-5662-2019-3-54-60).
13. Orlov A.B. *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigm, proek-tsii, praktiki* [Psychology of personality and essence of man: Paradigms, projection, practice]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 272 p.
14. Grebenyuk E.G. Dialogical self and psychotherapy. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 144–158. DOI: [10.17759/cpp.2017250209](https://doi.org/10.17759/cpp.2017250209).
15. Krasilnikov G.T., Seleznev S.B., Kosenko V.G., Kosenko N.A. The meaning of the "internal dialogue" to psychological theory and psychotherapeutic practice (analytic literature review). *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 2–21.
16. Fuko M. Order of discourse. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let*. Moscow, Magisterium-Kastal Publ., 1996, pp. 47–96.
17. Busygina N.P. Modern approaches to the analysis of discourse, conversation, and narration and their significance for the research in the field of psychotherapy. *Psikhologiya v VUZe*, 2014, no. 4, pp. 43–73.
18. Bagdasaryan T.M. Pragma-linguistics (speech behaviour). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 3-3, pp. 50–53.
19. Radzikhovskaya V.K. Pragmalinguistics of mutuality field. *Filologiya i chelovek*, 2017, no. 2, pp. 26–38.
20. Pereverzev E.V. Discursive psychology. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2009, vol. 1, no. 1. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st3.shtml>.
21. Ryabova A.L. Language and discourse: teaching methods for modern discourse. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 59–63. DOI: [10.12737/2587-9103-2020-59-63](https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-59-63).
22. Oleshkova A.M. Cognitive and ethical bases of discourse and discourse analysis. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2020, no. 8, pp. 23–25. DOI: [10.24158/spp.2020.8.3](https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.3).
23. Potter J. Discourse analysis and discursive psychology. *Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design*. Washington, American Psychological Association Publ., 2003, pp. 73–94.
24. Wiggins S., Potter J.W. Discursive psychology. *Handbook of Qualitative Research in Psychology*. London, Sage Publ., 2008, pp. 73–90.
25. Harré H.R., Stearns P., ed. *Discursive psychology*. London, Sage Publ., 1995. 240 p.
26. Wilkinson S., Kitzinger C. Conversation analysis. *Handbook of Qualitative Research in Psychology*. London, Sage Publ., 2008, pp. 54–72.
27. Peshe M. Common truth. Linguistics, semantics, philosophy. *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 225–291.
28. Markus H., Nurius P. Possible selves: The interface between motivation and the self-concept. *Self and identity: Psychosocial perspectives*. Oxford, Wiley & Sons Publ., 1987, pp. 157–172.
29. Shapoval I.A. The functions of ego boundaries in the internal discourse of a counseling client. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2018, no. 2, pp. 83–89. DOI: [10.18323/2221-5662-2018-2-83-89](https://doi.org/10.18323/2221-5662-2018-2-83-89).
30. Krivtsova S.V., Lengle A., Orgler K. The existence scale (Existenz skala) of A. Laengle and Ch. Orgler. *Ekzistentsialnyy analiz. Byulleten*, 2009, no. 1, pp. 141–170. URL: <http://laengle.info/downloads/ESK%20Krivtsova-%20L%e4ngle%20Bull%2009.pdf>.

THE ESSENCE AND CHARACTERISTICS OF THE DETERMINANTS OF SELF-COMMUNICATION DISCOURSE AS AN INTERNAL DIALOGUE

© 2021

I.A. Shapoval, Doctor of Sciences (Education), professor of Chair of Special Psychology
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Keywords: discourse; self-communication; “values-for-me”; agents of discourse; prototype place; motives of discourse; discourse objectives; ego boundaries.

Abstract: The paper presents the interdisciplinary analysis of the determinants of the system of self-communication discourse and internal dialogue as the forms of objectivation of human mental content focused on some actions for meeting some objectives. The author describes discourse as integration of communication and language processes in self-understanding and personal identity. Contextually determined and dynamic self-communication discourse, as a way of acquirement of new senses and confirmation of old ones, verbalizes current personal values. The study results reveal the characteristics and relations of the internal dialogue discourse determinants within the human objectivity–subjectivity continuum. Discourse determinants prescribe its context and rules and include the prototype place and agents with their motives and objectives. Self-positions manifested in Self and Non-Self (Other Self) binary self-predications form the core pair of agents. The modality of a person’s attitude to own Self-positions makes their communications a dialogue or a monologue on the boundary of their sub-territories as a discourse prototype place. The degree of discourse agency, its closeness within the prototype place, or transgression openness depends on the complexity and differentiation of Self-concept and ego boundaries functionality. The frustration of meta-necessity to keep self-confidence and self-acceptance by reassessment and reformation of interrelations of Self-positions determines the motives and objectives of self-communication. The common goal of self-organization is implemented through the internal dialogue in the form of institutionalization, verification, and integration of their Self-predications. Status-role characteristics of agents and functionality of discourse prototype place determine the specificity of its motives and objectives according to the systemic effects of Self-organization.